

Е. Н. СТУДЕНЕЦКАЯ

СОВРЕМЕННОЕ КАБАРДИНСКОЕ ЖИЛИЩЕ

(По материалам экспедиций 1936, 1939, 1947 гг.)

Изучение современного кабардинского жилища представляет значительный интерес¹, так как дает возможность выявить ряд переходных типов и возникновение новых форм жилища, связанных с коренной ломкой быта кабардинцев, вызванной Великой Октябрьской социалистической революцией и особенно коллективизацией, внесшей резкие изменения в планировку селений.

Из литературы XVIII—XIX вв. известны два типа планировки селений къуажэ². Первый вариант: усадьбы располагались в виде замкнутого круга или четырехугольника. В центре была площадь, куда в случае нападения направляли женщин и детей и сгоняли скот. Существование в прошлом подобного типа селений подтверждается и рассказами стариков, указывающих, что таким же образом строился каждый отдельный хьэблэ — в прошлом родовой поселок, ныне — квартал в селении. Второй вариант — беспорядочно разбросанные группы усадеб (в прошлом членов одного рода), расположенные применительно к условиям местности.

Для современных кабардинских селений характерна их величина, явившаяся результатом административной меры, проведенной в 1865 г. царским правительством: мелкие поселки были объединены в крупные для удобства надзора за свободолюбивыми непокорными горцами — 97 селений Большой Кабарды были укрупнены в 33. Но разделение на хьэблэ сохранилось и по сие время. Конечно, в современном селении оно весьма условно, так как в каждом хьэблэ живут не только члены рода, давшего ему название, но и представители других родов. Однако название его сохранилось. Так, в сел. Ст. Черек существуют Иуан хьэблэ, Шэмпэр хьэблэ, Куашэ хьэблэ, Хьэбжокъуэ хьэблэ и др. Говорят: «В Куашевском хьэблэ зарезали теленка, в Ивановском хьэблэ была свадьба» и т. д.

Вместе с такими явлениями, свидетельствующими об уцелевших пережитках родового строя, на старое кабардинское селение наложили свой отпечаток и феодальные отношения. Центром селения (если не географическим, то общественным) являлась усадьба князя-владельца, обычно мало выделяющаяся своей постройкой; вторым центром, сложившимся позднее, была мечеть.

В Кабарде княжеская усадьба до последней четверти XIX в. отличалась от окружавших ее крестьянских построек только своей величиной и количеством надворных построек. В конце XIX в. в Кабарде возникли

¹ До сих пор исследователи обычно занимались жилищами других адыгейских племен. Между тем кабардинские жилища наряду с чертами сходства с жилищами других адыгейских народностей имеют и существенные отличия (особенно в последнее время).

² Мы даем термины, связанные с жилищем, или в буквальном переводе унэ шхуэ — «большой дом», или по значению (къуажо — селение), или путем объяснения содержания термина (лагъунэ — помещение для брачных пар).

кулацкие и барские усадьбы с постройками русского типа (усадьба Кудашевых в Ст. Череке). Социальная роль помещичьей усадьбы этого периода также изменилась. В более же ранние годы усадьба князя, вернее, его кунацкая, была подлинным центром общественной жизни села. В кунацкой решались судом князя спорные дела и ссоры, она служила местом сбора мужчин селения (свободных сословий и в первую очередь дворянства) для беседы. В кунацкую призывали певца — гегуако с его несложными инструментами и прекрасными песнями. Рабы и крепостные могли находиться в кунацкой только для услуг и, разумеется, не могли сидеть. Строгая субординация и местничество соблюдались и между гостями, причем знатность и богатство гостей соперничали с почтением к их возрасту.

Кунацкая была местом, где кабардинская молодежь узнавала из рассказов и песен прошлое своего народа, где на былых воинских подвигах она училась умению воевать и правилам воинской чести. Но резкое классовое расслоение, типичное и для феодальной Кабарды, и для периода проникновения капиталистических отношений, выразилось в том, что, наряду с этим центром, обычно имелся второй — место на площади или на холме под деревом, где собирались потолковать о своих делах старики-крестьяне и где их окружала почтительно и безмолвно стоявшая молодежь. Наконец, вблизи села обычно бывало излюбленное место, часто у реки, где совершались общественные празднества, моления и т. п.

Современные кабардинские селения отличаются от прежних своей значительной величиной и правильной планировкой. Подавляющее большинство селений делится прямыми и широкими, часто мощеными улицами на ряд кварталов городского типа. Произведенная перепланировка селений сопровождалась передвижкой и перестройкой отдельных усадеб и домов, что способствовало изменению их типа. Административным и общественным центром современных селений является обычно площадь, на которой помещается районный или сельский совет, школа, клуб и т. п. Здесь (а также на базаре в праздничные дни) собираются молодежь и люди старших поколений. Только глубокие старики предпочитают сходиться для беседы на старинных, привычных местах. Разумеется, характер этих собраний и их содержание в корне изменились.

Почтение к старикам сохранилось у большинства до сих пор и выражается в обычае вставать при входе старика и не садиться без его разрешения. Однако это правило не может соблюдаться в библиотеке, кино или на общественных собраниях.

Усадьбы

Характер селений и отдельных усадеб ныне сильно изменился в связи не только с упомянутой выше перепланировкой селений, переносом домов и усадеб, но главным образом с изменившимися при колхозном строе условиями хозяйства и быта кабардинцев.

Рассказы стариков³ и отдельные сохранившиеся дворы дают нам представление о планировке прежних усадеб — шIáplá. Для кабардинской усадьбы был характерен огромный двор (иногда несколько дворов), в глубине которого помещался жилой дом. Ближе всего ко входу располагался дом для гостей — хьэшIэш, известный в русской литературе под названием «кунацкая». Как самый дом, так и кунацкая и все надворные постройки были плетневыми, обмазанными глиной. Усадьба вмещала не только двор, жилые постройки, но и ряд хозяйственных помещений для крупного и мелкого скота, хранилища для

³ Примерную планировку усадеб восстанавливали нам в своих рассказах и рисунках старики.

зерна и ток для молотбы⁴. Особенностью кабардинской усадьбы являлось наличие отдельной, изолированной кухни — *пщэфланлэ*. Местные жители объясняют это тем, что, согласно обычаю, снохи, на обязанности которых лежало приготовление пищи, должны быть отдалены от дома, где жили мужские родственники по мужу и особенно свекор, встреч с которым полагалось всячески избегать. Кроме того, в феодальной Кабарде кухня обслуживалась рабами-унаутами, и ее отдаление от дома подчеркивало желание хозяев избегать общения с рабами. В княжеских усадьбах к кухне примыкали пристройки, в которых помещались унауты.

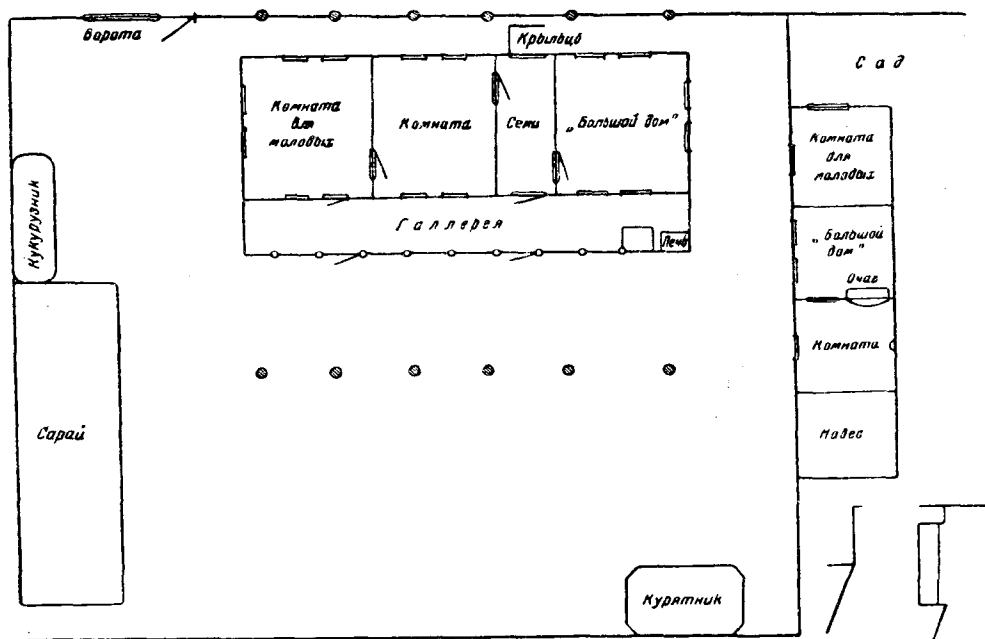

Рис. 1. Двор полевода колхоза с. Ст. Черек, Али Сохова; старый дом построен в 1930 г., новый дом — в 1937 г.

В настоящее время мы встречаемся с несколькими вариантами в расположении дома по отношению к улице. Некоторые дома попрежнему помещаются в глубине двора, но обращены фасадом к улице. Другие же дома строятся близко к улице, но за забором. Изредка дом выходит на самую улицу. Вторым и третьим типом расположения домов появились только после революции и, главным образом, за последние два десятка лет. Здесь мы видим нарушение традиции замкнутости, характерной для старого кабардинского быта с его строгой изоляцией женской части семьи.

Нарушение этой традиции повлияло и на тип самой жилой постройки. Так, в ряде случаев дома, хотя и стоящие у уличного забора, обращены всеми окнами во двор; в других случаях в глухой стене, выходящей на улицу, проделана дверь (кроме двери во двор на противоположной стороне); наконец, в этой наружной стене появляются окна, к двери пристраивается крылечко русского типа. При всех этих вариантах открытая веранда-навес («коледор»), в том или ином виде имеющаяся в каждом доме, всегда обращена во двор и является обычным местом пребывания женщин в теплое время года.

Для кабардинских усадеб всегда было характерным наличие про-

⁴ Молотба производилась путем прогона скота по разостланным на току снопам.

сторонних дворов, обнесенных оградой, внутри которой располагались все жилые и хозяйственные постройки, обычно по краям усадебного участка, так что середина двора оставалась свободной. В зависимости от благосостояния владельца имелось несколько дворов различного назначения — жилой, скотный, сенной, двор для молотбы. Отдельный дворик, обычно засаженный деревьями, окружал и кунацкую.

В настоящее время усадьбы кабардинских колхозников отличаются просторными дворами удивительной чистоты. Двор подметается ежедневно, а то и несколько раз в день. Это подчеркивает его назначение как двора-сада, места труда и отдыха хозяев и гостей. Сплошь и рядом во дворе перед домом посажен ряд деревьев. Для сохранения посадок от объедания скотом они окружены плотно и изящно сделанными плетнями, имеющими форму цилиндра или усеченного конуса. В ряде случаев и сейчас в углах двора отделяются хозяйственные дворики с навесами и сараями для скота. Ко двору примыкает фруктовый сад, кукурузник, иногда виноградник, отгораживается местечко для нескольких ульев. Двор — обычно заросший травой; иногда по нему проложены дорожки из камней или кирпичей. «Хозяйственные дворы» стали теперь занимать значительно меньшее место, чем прежде. Вызвано это, конечно, коллективизацией хозяйства. Для современных дворов характерно наличие часто двух домов — старого и нового, причем первый используется как кухня или, реже, кладовая. Это позволяет наглядно сопоставить рост культуры и благосостояния кабардинского колхозника.

Коллективизация Кабарды дала новое содержание планировке жилища: она создала женщине равное положение с мужчиной, уничтожила ее изоляцию, разрушила замкнутость горского жилища. Сказалась новая жизнь на повсеместном уничтожении отдельной кунацкой, хотя кавказское гостеприимство отнюдь не уменьшилось, а изменилось лишь отношение к гостю. Раньше гостя не только не допускали во внутренние помещения, но старались изолировать кунацкую в углу двора, ближе к воротам, а иногда и за пределами двора, следуя традиции замкнутости жизни каждой семьи. Современного гостя принимают в самом доме, иногда укладывают ночевать в одной комнате с хозяевами. Сейчас кунацкой может быть каждая комната.

Таким образом, новое социалистическое отношение к женщине, к гостю изменило старые национальные формы жилища.

Планировка домов

По своей планировке жилища кабардинцев ныне представляют ряд типов, отражающих эволюцию за последние 50 лет.

В значительном количестве еще сохранился наиболее старый тип жилища, представляющий собой (в плане) вытянутый прямоугольник, состоящий из 3—4 и более комнат, расположенных рядом под одной крышей. Окна выходят на одну длинную сторону (позднее окна делаются со всех сторон дома) под навес, куда выходит из каждой комнаты отдельная дверь. Между собой комнаты часто не сообщаются: чтобы попасть в соседнюю комнату, надо сначала выйти наружу, под навес. Такой дом носит название унэ кыхъэ — «длинный дом». Одна из комнат носит название унэ шхуэ, т. е. «большой дом», — это комната, где помещаются родители и младшие дети. Другие комнаты — помещения для отдельных брачных пар — лагъуне. Лагъуне могут быть пристроены и позднее, по мере женитьбы сыновей. Такой дом был в прошлом типичным жилищем неразделенной большой семьи — унэгъуэ зэхэс и вполне отвечал изоляции брачных пар. В большинстве случаев имелась еще отдельная кухня, где снохи приготавливали пищу, которую приносили затем в унэ шхуэ для стариков, в кунацкую для хозяина дома и его гостей. В лагъунэ никогда не ели, очагов там не было совсем или

Планировка домов

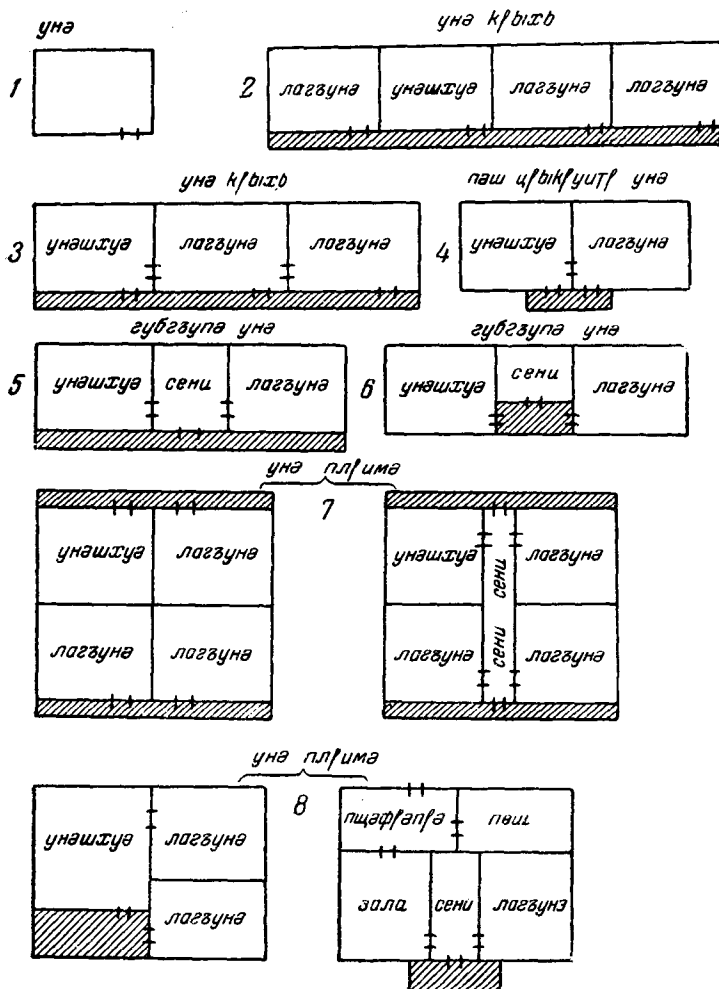

Рис. 3. Планировка домов

они служили только для тепла. Позднее в лаггунэ начали строить печи русского типа.

Вторым, более поздним вариантом является дом такой же прямоугольной формы, но уже с дверьми между комнатами; одна комната (обычно средняя) совсем не имеет прямого выхода наружу.

Весьма распространен в настоящее время тип дома с сенями, состоящий из 2—3 комнат. Такой дом часто называют губгъуэ-уна «полевой стан-дом»; эта форма дома действительно часто встречалась в полевых станах, где комнаты распределялись так: 1) общежитие для женщин; 2) общежитие для мужчин; 3) комната бригадира и 4) сени. Но этот тип планировки пришел в быт колхозника не через полевые станы, ибо и до коллективизации дома подобного типа уже строились в селениях, представляя собой создавшийся не без влияния русских соседей дом с сенями. Внутреннее использование помещения имело два варианта: при первом из них средняя комната, из которой был выход на улицу и две двери в боковые комнаты, играла роль сеней; при другом варианте из этих сеней выгораживалась третья комната (иногда кухня), вход в которую шел из сеней и располагался напротив наруж-

ной входной двери. Как видно, дом такого типа уже не мог служить жилищем для большой неразделенной семьи, так как в нем имелось только одно помещение для молодой брачной пары.

Довольно часто попадаются в селениях и небольшие однокамерные дома. Они в прошлом были характерны для молодой выделившейся пары или для беднейшей части населения. Такое однокамерное жилище могло путем пристроек впоследствии превратиться в «длинный дом». В наше время такие дома в большинстве случаев показывают, что хозяин еще не совсем стал на ноги после военных потрясений. К этому ряду типов домов примыкает и двухкомнатный дом — пәщыкүйт унә. Каждая из двух комнат имеет отдельный выход, но не прямо во двор, а на закрытое общее крыльцо, иногда представляющее собой остекленную веранду, используемую в ряде случаев как кухня, так как на ней

Рис. 4. Переходная форма жилища с сениями

устанавливается распространенная сейчас железная переносная печка.

Значительные отличия имеют унә плімә — «четыреугольный дом», который все сильнее распространяется в селениях Кабарды. При наших поездках в 1934—1939 гг. мы встречались с этим типом домов реже, чем в настоящее время. В большей степени они были распространены в долинах Осетии. И там, и в Кабарде местные жители указывали нам, что этот тип жилища заимствован ими от русских казаков. Подобный дом в своем плане — квадратный и разделен на 4 неравных помещения: 3 комнаты и балкон — открытая галерея. При подобном устройстве дома только одна комната изолирована от других и имеет отдельный выход на балкон. Она чаще всего и играет роль лаг'унә. Вторая большая комната — проходная, а третья имеет вход только через вторую. Эти две комнаты используются как унә шхуә и запасное помещение — для холостой молодежи и для гостей. Дом имеет окна на все четыре стороны. Кухня строится отдельно. При других вариантах одна из трех комнат служит кухней. В зимнее время готовят часто в жилых комнатах, на плите.

В селении Ст. Черек мы видели усложненный план четырехугольного дома, построенного в 1946 г. В нем 5 помещений, причем к квадрату дома пристроен выступающий балкон-крыльцо. Одно из помещений, по словам хозяев, служит столовой и гостиной. Семья хозяина

состоит из мужа, жены и взрослой дочери. Иногда приезжает погостить сын с женой и мальчиком.

Проходные комнаты, сравнительно недавно совершенно непривычные для кабардинцев, сейчас устраиваются очень часто. Но еще в 1939 г. нам приходилось наблюдать жизнь кабардинцев в домах стандартного типа, построенных в селениях Нартан, Заюково и др. Проходные комнаты в этих домах чаще всего совсем не использовались для жилья и играли роль сеней, прихожей и т. д. Полагаем, что в новом отношении кабардинцев к проходным комнатам сказались те же изменения быта кабардинской семьи (нарушение замкнутости, изоляции женщин и т. п.), которые повлияли на планировку усадеб.

Рис. 5. Дом колхозника, с. Псыгансу, 1939.

Имеются квадратные дома, построенные еще до революции, главным образом местным кулачеством. По планировке они представляли собой спаренные двухкомнатные дома, не имеющие проходных помещений, или спаренные дома с проходными сенями. Такие дома, несмотря на совершенно иной внешний вид, позволяли вести прежний традиционный образ жизни.

В одном из типичных селений мы произвели выборочный подсчет жилищ разного типа, давший следующие результаты: унэ кIыхь (длинные дома) — 3; унэ кIыхь — (длинные дома с проходными комнатами и двумя входами) — 3; губгъуэ унэ («полевой стан — дом») — 54; унэ (однокамерный) — 13; пэш цыкIуитIунэ (двухкомнатный дом) — 30; унэ плимэ — 15.

подавляющее большинство принадлежит домам третьего и пятого переходных типов (84 дома), что вполне естественно. Эволюция жилищ идет явно в сторону квадратного дома.

При сопоставлении со старыми домами, сохранившимися в качестве кухонь, кладовых, не только бросается в глаза общее улучшение жилищ — больший размер дома, черепичная крыша вместо соломенной, высокий докол, большие окна и т. п., но и изменения в планировке дома и использовании его помещений.

Мы уже отмечали, что в прошлом в Кабарде преобладала отдельная кухня. Для родового строя и его пережитков характерно почитание очага, особое отношение к помещению, где готовится пища.

Очаг — центр всей жизни семьи и семейного культа. С очагом связан и ряд свадебных обрядов, в частности привод молодой жены к очагу мужа и принятие ее под покровительство «духа очага» — покровителя семьи, в которую вступает молодая. Это отношение к очагу и помещению для главы семьи — хадзару типично для осетин; хадзар-кухня делалась у осетин очень большой, вместительнее других комнат, но под одной крышей. У осетин сильнее и дольше сохранились пережитки родового строя и, в частности, почитание очага. Поэтому для них хадзар-кухня и сейчас является почетным местом, колыбелью семьи, где находится очаг (ныне плита), где семья проводит большую часть времени.

Рис. 6. Отдельная кухня, с. Заюково, 1936.

Хадзар служит и столовой, и местом приема гостей. В посещенном нами горном осетинском селении Ляц в одном доме над плитой была бережно повешена неупотребляемая надочажная цепь, как бы подчеркивая переход очага к более поздней печи.

Что касается Кабарды, то здесь кухня является только местом приготовления пищи: там не спят и там редко едят. Понятие святости очага, почетности кухни исчезло совершенно. Во дворе этого крошечного домика нет ничего, кроме очага и утвари. Отдельная кухня придает особый характер усадьбе кабардинцев (в отличие от осетин и других народов Кавказа). Вместе с установлением понятия «кухня» (как службы) появился и отдельный термин *пщэфлан* [ə]. Осетинскому же хадзар соответствует кабардинский *унэ шхуэ*, сохранивший свое значение в брачных обрядах и до сегодня. Но это связано не с очагом, а с фактом проживания в *унэ шхуэ* свекра со свекровью.

Существует обряд *унэишэ* — первый выход невестки (*нысац* [ə]) в *унэ шхуэ* семьи мужа. Ведут ее в *унэ шхуэ* через три дня после ее приезда. У порога кладут баранью шкуру, чтобы молодая непременно наступила на нее, что обеспечивает богатство и плодovitость. В этот момент ее осыпают орехами, пшеном, конфетами, деньгами. Через некоторое время после ввода молодой сестра мужа поднимает шаль, которая закрывает *нысац* [ə] с головой. Кто-либо из родных мужа подносит мед в чашке. Молодая мажет медом губы. Остаток меда отдают

детям, а чашку разбивают. В унэ шхуэ совершается и ряд обрядов, предшествующих возвращению новобрачного в дом родителей после его «скрывания» в доме кого-либо из друзей. Эти обряды также носят характер «введения в дом».

Обряд приведения невесты к очагу исчез, видимо, довольно давно, вероятно, в связи с развитием феодальных отношений, способствовавших не только выносу кухни во двор подальше от дома, но и превращению ее в служебное помещение. Очаг, обслуживаемый рабом — не членом семьи, терял свою святость.

В прошлом наиболее типичным в Кабарде был очаг в виде камина с прямой широкой трубой, над которой подвешивался на цепи котел для варки пищи. Камин подобного рода помещался обычно у той наружной стены, где находились окно и дверь, и располагался между ними. В ряде случаев очаг выступал наружу в виде огромной пристроенной сбоку дома трубы. Подобное устройство (встреченное нами в одном доме в сел. Ст. Черек даже в 1947 г.) совершенно лишало комнату тепла. Все стенки очага выходили во двор, и только устье было обращено в дом. Главной функцией очага было не отопление, а варка пищи. В домах более поздней (послереволutionционной) постройки иногда очаг (если нет отдельной кухни) размещается по боковой стене, выходящей в соседнюю комнату.

Во всех современных домах, какого бы типа они ни были и сколько бы комнат ни имели, очаг старого типа устраивается только в одном помещении. Но если когда-то это помещение играло роль унэ шхуэ, то в настоящее время оно служит просто кухней и отчасти столовой, а спят родители в другой комнате.

Нам приходилось наблюдать в устройстве очага и некоторые переходные моменты. Так, в одном доме (селение Ст. Лескен, дом Эльмирзы Шеожева) в задней стенке очага, расположенного в одной из комнат дома, примыкающей к бане (последняя — изобретение хозяина, самоучки-строителя), сделано дополнительно, как в русской печке, устье, где можно варить и печь.

В жилых комнатах уже давно стали строить печь, — вернее, небольшую плитку с дверцей и поддувалом, близкую к печке-голландке. Обычно такая печь выходит в две комнаты и имеет две плитки при одной общей трубе. В каждой комнате имеются теперь такие печки, которые зимой используются и для приготовления пищи, когда в доме нет ни очага, ни отдельной кухни; в летнее время пища готовится на железной печке-временке, установленной на балконе, крыльце, под навесом дома и т. п. Плита прочно вошла в быт колхозника-кабардинца, что не могло не отразиться и на всей его домашней утвари.

Техника постройки

При беседе со стариками о прежних жилищах они единогласно заявляют: «Не умели жить, не умели строить. Дома — плетеные, крыши — соломенные, двери прямо на двор. Когда снег, — в двери, в трубу очага снег задувает, — холодно. Разве можно теперь сравнить...».

Если некоторые со вздохом вспоминают красивую старинную одежду, гордятся ею, как «самой красивой формой», то старый кабардинский дом не находит себе защитников, что неудивительно. Дом строился так: в землю втыкали ряд кольев на расстоянии 30—40 см друг от друга. Затем сверху накладывали длинные балки, скрепляющие остоу. Вбитые в землю кольца (бжэгъу) густо заплетались ветвями орешника. Ветви (бжэ тэхуэ) должны быть свежими (срубленными не более 5 дней назад), иначе они будут ломаться. У проемов дверей ветви или подрубались или оплетались вокруг кола.

Плетеный остов дома назывался унэлэй. В углах вкапывались столбы для поддержки крыши. По боковым сторонам дома ставилось по более высокому столбу с развилкой сверху. На них укладывалась главная балка — тхицакъя. На нее опирались стропила — араф, жерди, которые одним концом покоились на тхицакъя, другим — на балках, лежавших по верху стены. Иногда араф имели на верхнем конце естественные крючки (из сучков), которыми они и зацеплялись за тхицакъя. Поперек араф клалось несколько жердей ерэнклэ, образуя обрешетку крыши. В некоторых случаях все это еще переплеталось плетнем (бжыхъ). Сверху клалась солома (хъэуазэ), стебли кукурузы, камыш и т. п. Пол в таком доме был земляной, потолка не было совсем. Низенькие двери (бжэ) из толстых тесаных досок, часто двустворчатые, держались на деревянных пятках, входивших в отверстия в пороге, и верхней перекладине двери. Окон не было совсем или делались маленькие отверстия, на ночь затыкаемые куском сена или прикрываемые деревянной ставней. Жилые дома такого типа сейчас совершенно не встречаются, но этот характер постройки можно наблюдать на некоторых кухнях.

Первым новшеством, еще редким, появившимся лет 60—70 назад, были окна с переплетом, иногда с наличниками и ставнями, а также европейского типа двери на петлях — одностворчатые. И то, и другое выделялось первоначально русскими мастерами и сочеталось со старым кабардинским типом постройки. До сих пор окна с наличниками, двери с косяками считаются большой ценностью и при постройке нового дома обычно переносятся в него из старого.

Значительным улучшением в кабардинском жилище явился фундамент. Устраивался он так. В землю вбивались столбы высотой в 25—50 см. Сверху накладывали длинные брусья, составлявшие основание стены. В этих брусьях просверливались дыры, в которые и забивались колья для плетневых стен. Все пространство между землей и брусьями закладывали булыжником правильными рядами. Камнем заполняли и все пространство под земляным полом. Камни пересыпали землей, служившей для заполнения щелей. Сверху также наносили землю и утрамбовывали ее; таким образом, поверх фундамента получался земляной пол, который впоследствии обмазывался глиной с навозом.

При другом варианте (более частом) колья для остова стен оплетали прутьями не сразу у земли, а выше, оставляя место для каменного фундамента описанного выше устройства. Пол в комнатах был земляной, но на открытой галлерее (обязательной части каждого дома), он настилался поверх земли досками. Самая галлерей образовалась из навеса — пырхъуэ, который делался (но не всегда) в старых кабардинских домах путем свисания части крыши, опиравшейся на столбы. Навес был открытым. Появление фундамента превратило этот навес в галлерею или балкон, значительно поднятый над землей. На галлерею ведет лесенка, состоящая из камня, старого жернова, древесного пня. Очень редко приходится видеть настоящую деревянную лесенку со ступеньками. Обычай класть что попало вместо лестницы сохранился и доныне. Часто в хороший, большой современный дом надо попадать, становясь на положенное плашмя автомобильное колесо, на части автомашин и даже танков⁵.

Обычай строить плетеные дома сохранился и доныне, хотя внешний их вид совершенно изменился. В 1947 г. в селении Ст. Лескен мне пришлось наблюдать постройку плетеного дома. По своей планировке это был дом позднего типа ун' пл' — четырехугольный с галлереей, занимающей часть этого квадрата. Дом строился на высоком фундамен-

⁵ Возможно, что это объясняется отсутствием в прошлом необходимости в лестнице, так как дома были одноэтажными и пол земляной был в уровень с землей.

те, с высокими потолками, большими окнами. Но весь остов дома и перегородки внутри были плетеными, и процесс постройки совпадал с описанным выше. При возведении стен употребляется помост, называемый теугъапа. В землю вбиваются несколько кольев параллельно стене дома, на расстоянии 60—80 см от нее. Колья имеют вверху развилку. На них опираются горизонтальные колья, вбитые другим концом в заплетенную часть стены, на которые кладется доска. Работают, стоя на доске. По миновании надобности эти леса убираются.

Значительным нововведением, появившимся в некоторых богатых домах еще до революции, был потолок. Теперь он имеется во всех домах. Делается он так. Балки, лежащие на стенах, имеют ряд вырезов. Поперечные балки также имеют вырезы, составляя все вместе прочную раму. Поперечные балки лежат на расстоянии 80—100 см друг от друга. Сверху укладываются плетни. Потолок изнутри обмазывается глиной, а сверху засыпается землей. Таким образом, потолки в домах глиняные с наружными балками. В некоторых домах встречаются деревянные, крашенные, филенчатые потолки.

Описанный выше плетеный дом строили пятеро: четыре старика (соседи) и молодой парень (хозяин) лет 18—19. Старики говорили, что при хорошей работе можно такой дом построить за неделю, а в старину строили и в один день. Но тогда, конечно, много помогали родственники и соседи, за что хозяеваставляли им угощение. Этот обычай назывался шыхъэху. Значительно большего времени требовала заготовка всех лесоматериалов, продолжавшаяся иногда несколько месяцев. Особенно тщательно относились к выбору основных балок, поддерживавших крышу. Они чаще всего делались из чинары.

После постройки дома приступают к его обмазке. Это — женская работа. Мажут обычно не менее трех раз, а иногда и до шести. Обмазка повторяется с значительными промежутками, чтобы глина успела подсохнуть. После окончательной обмазки можно белить. В 30-х гг. XX в. чрезвычайное распространение получили дома из самана. Саман готовится следующим образом: роют (недалеко от воды) яму в 50 см глубины, кладут туда рубленую солому, льют воду, месят ее ногами с землей и глиной и лепят кирпичи размером 30 × 20 × 10 см. Затем их складывают штабелями в шахматном порядке для просушки. Изготовлением самана занимаются женщины.

При постройке саманного дома делается фундамент на деревянных или кирпичных столбах, заложенный булыжником с землей. Кирпичи самана кладут, иногда чередуя один ряд вдоль, другой поперек. Поверху стены кладут ряд черепиц, слегка выступающих за ее край. Весь дом снаружи и внутри обмазывается и белится. Потолок плетеный. Крыша такая же, как на плетеных домах. Однако поперечные брусья на крыше кладутся чаще, сколачиваются гвоздями (раньше весь дом строился без единого гвоздя) и не переплетаются плетнем. Крыши кроются черепицей, которая совершенно вытеснила солому. Только редкие дома (бывшие княжеские или кулацкие) покрыты железом. Многие колхозы имеют свои черепичные заводы. Наконец, в качестве строительного материала употребляется и обычный обожженный кирпич. В ряде случаев из жженого кирпича складываются угловые столбы, а стены делаются из саманного кирпича. Есть немало и целиком кирпичных домов. Первоначально они строились пришлыми мастерами, но в настоящее время есть каменщики-кабардинцы. Кирпич используется с учетом его декоративных возможностей. Так, иногда под окнами ставится ряд кирпичей вертикально, углом вперед, из кирпичей выкладываются рельефные фигуры, чаще всего косые кресты. Передняя часть кирпичей покрашена в голубой цвет.

Дома (за очень редким исключением) обмазываются и белятся. Иногда понизу идет полоса цвета желтой глины. Приходилось нам

видеть и дома, обведенные по низу, а иногда и по углам яркосиней полосой, обычно синькой. Наличники, двери и особенно ставни часто окрашиваются яркими красками, преимущественно синей, зеленой или темнокрасной, иногда в несколько цветов. Белизна самой постройки, красная черепичная крыша, яркие ставни и двери,— все это в сочетании с зеленью деревьев придает селению очень нарядный, веселый вид.

Надворные постройки кабардинцев весьма разнообразны по назначению и формам, но тождественны по материалу,— все они плетеные, как и в старину. Они покрываются соломой, сеном или кукурузными стеблями, редко черепицей, полностью или частично обмазываются глиной и иногда белятся.

Рис. 7. Надворные постройки: птичник и сарай, с. Ст. Черек, 1947.

При входе во двор прежде всего бросаются в глаза овальные или круглые постройки для птиц — джэдэш. Они плетутся способом, описанным выше, разница только в устройстве крыши. Если постройка круглая, то крыша на ней делается в форме гриба. Основой ее служат довольно толстые прутья орешника, перекрещенные довольно небрежно; прутья не сходятся к середине, а скрещиваются в различных местах. Сверху плотным слоем накладывается сено. Чтобы этот слой не сползал, устраивается поддержка: поверху плетеной стены, отступя от края на 30—40 см, втыкают под углом в 45° небольшие колышки и оплетают плетнем; иногда это делается и внутри. Таким образом, получается подобие лотка, на который опирается покрывка крыши. Такой же способ применяется и при постройке навесов, сараев и т. п.

Птичник обмазывается глиной, однако не целиком, а так, что остаются отверстия — квадратные или ромбональные. Эти окошечки, служащие для освещения и вентиляции, придают постройке своеобразный вид. Птичник имеет низенькую деревянную дверцу, а у самой земли — отверстие, прикрытое заслонкой, для выпуска птицы. Внутри устроены нащесты из горизонтально расположенных жердей.

Если постройка продолговатая, то крыша устраивается совершенно иначе — так, как при постройке дома. Опорные столбы с развилками вверху расположены по углам постройки (при ее больших размерах) и посередине боковой стены, а также и внутри постройки (что в настоящее время не делается, но в прошлом было обязательным). На стол-

бах лежат основные балки — тхицакъа, а на ней стропила — араф. Вверху они или зацепляются за тхицакъа сучками или просто кладутся на нее слегка стесанным концом.

Наконец, укажем на способ покрытия часто встречающихся надворных построек⁶ овальной формы. Тогда опорные столбы ставятся по центру внутри помещения, не доходя до узких боковых стен. Балка — тхицакъа также не доходит концами до стен. От ее конца, опираясь на него, радиально расходятся жерди, лежащие на округлую плетеную стенку постройки, образуя округлый скат. Так строятся сараи, навесы, хлева и большие птичники.

Как известно, в большинстве случаев хозяйственные постройки долго сохраняют архаичность формы и технику постройки. Какую же из указанных типов надворных построек можно считать прототипом жилого дома кабардинцев? Вряд ли можно предполагать, что в прошлом у них были круглые дома. Тот примитивнейший способ покрытия круглой постройки, который известен кабардинцам, годится только для построек очень малого диаметра, негодных для жилья. Вместе с тем мы имеем указания на наличие в прошлом столбов внутри дома. Они необходимы и при постройке дома овальной формы. Однако такой дом не может быть разборным, так как общая длина его овально изогнутого плетня слишком велика для перевозки. Имеются указания, что кабардинцы в прошлом зачастую переносили свои селения и дома с места на место, перевоза деревянные части и куски плетня. Для этого удобнее всего был дом прямоугольный, состоявший из четырех частей плетня, совсем не скрепленных по углам и державшихся только на обмазке. Первоначально, вероятно, и такой дом имел внутри опорные столбы, что было неизбежно при его значительных размерах (принимая во внимание большие семьи). Позднее, при постройке маленьких домов, а особенно кухонь, курятников и т. п., эти столбы могли выноситься за стены дома, наружу, как мы часто видим ныне. Роль их уменьшилась с появлением потолков, которые образуют верхнюю раму, скрепляющую весь дом и поддерживающую крышу.

Во дворе кабардинца обыкновенно имеются бэкхъ — плетневые навесы и сараи для скота, для хранения всякого скарба. Наблюдается объединение всех этих служебных построек в одном углу двора или в отдельном (в настоящее время очень маленьком) дворе. Еще более характерна постройка их вплотную друг к другу, под одной крышей. Приходится наблюдать и такую комбинацию: строится большой навес, открытый с передней стороны; делается он, как и все дворовые постройки, плетеным, продолговатой формы, чаще всего с овально закругленными концами; на концах сделаны плетневые загородки, которые как бы заворачиваются внутрь, образуя небольшие помещения с округлой стенкой — одно для коровы, другое для теленка, стенки их не доходят доверху. Перед навесом в загородке или под ним непосредственно устроены плетеные, тоже круглые кормушки (шхальтэ) для скота. Навесы, как и другие хозяйственные постройки, обмазываются глиной только снаружи или не обмазываются совсем.

Особый вид и устройство имеют сапетки для хранения кукурузы — ду. Это длинные и узкие плетеные постройки округлой или прямоугольной формы, приподнятые на 50 см над землей на столбах, врытых в землю. Пол у них деревянный или плетеный. Через обе стены в 2—3 местах проходят деревянные бруски с отверстиями на концах, в которые забиты колышки или клинья, чтобы при насыпании кукурузных початков стенки постройки не раздались. В стенке у дна сделано отверстие с деревянной дверцей или заслонкой для доставания кукуру-

⁶ Навес — гуэщ, конюшня — шэщ, телятник — шкэщ, сарай для коров — вуэ, сарай для овец — кат.

зы. Крыша, крытая соломой, тесом или черепицей, несколько отличается по устройству. Стропила (араф) верхними концами вбивают в отверстия, сделанные в балке (тхицакъя) для достижения большей прочности крыши, так как для засыпания кукурузы в сапетку крыша отгибается или снимается совсем.

К надворным постройкам надо причислить и псыунэ — уборные, обязательные в каждом дворе. Часто бывает две уборные — мужская и женская. По типу постройки они напоминают круглые курятники с грибообразной крышей.

Дворы обносятся различными заборами. В 99 случаях из 100 это различного типа плетни, сделанные с большим искусством и разнообразием*.

Постройки общественного назначения — здания сельсоветов, райисполкомов, школ, больниц — возводятся из камня или саманного кирпича и в своей архитектуре и планировке совсем не используют навыков национального жилищного строительства. Между тем в условиях местного климата было бы весьма целесообразным и для этих зданий сохранить крытые галлерей, столь прочно удерживающиеся в домах кабардинцев.

Значительно большее сходство с жилыми постройками, особенно по планировке, имели дома полевых станов и пастушьих кошей. Полукочевое скотоводство кабардинцев способствовало в прошлом выработке жилищ временного типа для пастухов — пшыа: естественные пещеры, плетеные на-

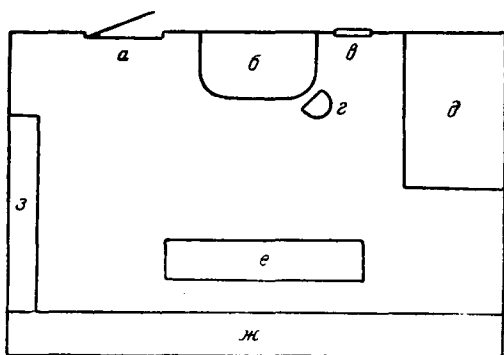

Рис. 8. План внутреннего устройства дома старого типа: а — дверь; б — камин; в — окно; г — скамейка; д — кровать; е — диван; ж — шкаф; з — хозяйственные полки

весы, войлочные палатки (гушха) — из трех воткнутих в землю и дугой согнутых прутьев, прикрытых войлоком. В такой палатке имел право ночевать только старший на коше — лагупеж, или почетный гость. Наконец, строились плетеные балаганы овальной формы, крытые сеном. Внутреннее устройство такого балагана было весьма просто, но имелись те же части, что и в жилом доме. Топился он «по-черному».

Сейчас временные постройки — сторожевые шалаши, устраиваемые на колхозных полях, — делаются в виде односкатных навесов из легкой деревянной рамы, на которую набросаны ветки и солома. Строятся также круглые плетеные шалаши из веток, на которых часто не оборваны листья. Эти живописные постройки также кроют соломой.

Убранство жилища

Внутреннее убранство жилища кабардинца (и других горцев) в прошлом было весьма однообразным, можно даже сказать — стандартным. Лет двадцать назад (не говоря уже о более раннем времени) мы могли, не входя в дом кабардинца, заранее знать, и какие вещи там можно найти, и порядок их расположения. Этот порядок диктовался обязательными абсолютно для всех обычаями старины, предписаниями религии, приметами и суевериями и социальным строем, в частности положением женщины. Каждая вещь в доме имела свое строго определенное место, и перенос ее в другое место в ряде случаев грозил всякими несчастьями. Указать, чем особенно интересуется хозяин и

* В западных районах Кабарды очень часты каменные заборы.

чем отличается от соседа, было очень трудно. Даже богатство и знатность хозяина мало отражались на внутреннем убранстве его жилища. Это было вызвано: 1) преобладанием самодельных вещей, 2) нежеланием обнаружить свое богатство, особенно в Кабарде, где существовал обычай обязательного дарения понравившейся гостю вещи, 3) пренебрежением горца — воина и скотовода — к убранству жилища, в котором он проводил наименьшую часть своей жизни.

Обычно это убранство было таково: по стене за очагом (жанта — почетное место) устраивалась постель, часто на некотором подобии нар: из самана выкладывались столбики, на которые клали настил из досок. Другой вариант — деревянная резная кровать-диван самодельной работы. Этот диван имел боковые и заднюю стенки одинаковой высоты. Лишь в конце XIX в. появляются деревянные кровати обычного типа; ныне преобладают хорошие железные, никелированные кровати, но изредка встречаются и старинные нары (иногда устраиваются в кухне). Расположение кроватей теперь не так точно определено. В унэ шхуэ кровать попрежнему ставится на жанта, в других же комнатах по любой стене.

На день постель с кровати убиралась и складывалась стопкой на полки, вдоль стены или в углу комнаты. На кровати оставалась только цыновка — ардген. Но в настоящее время убранству кровати уделяется очень большое внимание. Хорошее пикейное или шерстяное одеяло, несколько подушек в нарядных наволочках — обязательны. Остатком прошлого является обычай поверх покрывала, между подушками складывать стопкой одно на другое запасные (для гостей) ватные одеяла ярких цветов, подшитые белыми пододеяльниками. Часто встречаются отдельные детские кроватки. Но и старинные кабардинские (общекавказские) люльки — гуша, в которых ребенок лежит привязанным, встречаются еще очень часто. Теперь ребенка держат в такой люльке только до года.

Стена напротив двери в прошлом была занята полками, на которых в дневное время укладывалась постель, а также хранился всякий домашний скраб и лучшая посуда (часто целые ряды бутылок, банок и т. п.). Иногда вместо полок ставился длинный во всю стенку узкий шкаф, несколько выше стола, с рядом отделений. Одежда хранилась в сундуках, вешалась на колышках, вбитых в стену, или на веревках, протянутых поперек всей комнаты. Редко даже в наше время встречаются шкафы для платья, и одежда хранится по-старинному, только сундуки заменились современными чемоданами. Последние складываются ярусом на столе, в углу комнаты, а в летнее время — на плите.

Перед полками или шкафом напротив очага ставился диван — шэнтжъей (буквально «скамья для спанья»). Женщины не имели права на него садиться, это было место мужчин. В настоящее время диваны встречаются очень редко. Кроме дивана, для сидения существовали еще шэнт щхъэгуэ — «скамья для обеда» — низенькие трехногие скамеечки или просто деревянные плашки, кусок войлока или некоторое подобие подушки из тряпья. Последние служили сидением для женщин. Вся женская работа, начиная с приготовления пищи, кончая шитьем, производилась на полу. Круглые, низенькие и маленькие трехногие столики (анэ) употреблялись только во время еды. Но теперь во всех комнатах в изобилии стоят столы, стулья, иногда кресла и табуретки. В общем вся обстановка не имеет национальной специфики. Количество предметов старого национального быта в домах очень невелико.

Возьмем для примера семью колхозника в селении Ст. Черек, патриархальную по всему своему укладу. Семья состоит из мужа, жены и двух невесток (вдов умерших братьев мужа) с их детьми. Дом из трех комнат с сениями. Во всем доме нашлось только 11 предметов

старинного кабардинского обихода: цыновка — ардген; столик — анэ: скамеечка — шэнт шхъгуэ; ступка для чеснока, деревянная самодельная корзинка, обмазанная глиной, в которой хранят кукурузу для кур; кумган медный дагестанской работы; кумган чугунный фабричной русской работы, но национальной формы; намазлык — шкура бычка; подчасник вышитый; амулет — дуа; детская люлька — гуша.

Это же можно наблюдать и в большинстве других домов. Однако внимательное наблюдение за бытом семьи, за употреблением привычных для нас предметов утвари позволяет подметить ряд особенностей. Наличие на полке блюда, ножа, а в углу кухни корзинки с картофелем ничего не говорит о национальных особенностях. Но мы застали и такую картину: блюдо с начищенной картошкой стоит прямо на полу, на полу же лежит нож и кучка очисток. Эта деталь говорит об особенной манере кабардинок работать не на столе, а на полу, сидя на корточках или на низенькой скамеечке.

Эта манера отнюдь не является случайной. В доме каждого колхозника-горца имеются обычные городского типа и производства столы, стулья и табуретки. Однако стол городского типа служит у кабардинцев для весьма ограниченных целей. Он является украшением комнаты, на нем пишат, в некоторых случаях едят; но почти никогда на столе не выполняют никакой работы. Казалось бы, что при шитье на ручной швейной машине⁷ вполне естественно поставить ее на стол и шить, сидя на стуле или табурете. Однако такой прием нам приходилось видеть только в некоторых домах и в самые последние годы. Во время довоенных поездок мы видели чаще всего, что горянки шили, сидя на полу и поставив машину на пол; в некоторых случаях машина ставилась на табуретку или специальный еще более низкий столик, а швея сидела на полу.

Чем объясняется такое весьма ограниченное использование обычного стола? У народов Северного Кавказа в прошлом стола в нашем европейском понимании не было. Маленькие переносные столики (чаще всего круглые) были по своему назначению подносами или, точнее, блюдами, поставленными на ножки. Пища — лепешки, мясо, даже каша клалась непосредственно на самый столик; только жидкости подавались в чашках или мисках. Столик подавался на одного или двух-трех человек. Столики приносились с едой и по окончании трапезы вешались на стену в определенном месте. Столик являлся предметом весьма почитаемым и играющим в ряде случаев роль семейного жертвенника. Особенно сохранилось это отношение к столику (фынг) у осетин. Оставлять стол с остатками еды или даже чистым стоять в комнате без дела, а тем более выполнять на нем грязную работу считалось недопустимым, почти кощунственным. Всякую работу (мытьё посуды, приготовление пищи) производили на полу, сидя на низенькой скамейке, подушке или на куске войлока.

В противоположность русской традиции совместного обеда всей семьи, традиции еды из общей чашки, — в быту горцев Кавказа не существовало ни определенного времени еды, ни общей трапезы; члены семьи ели врозь, чему способствовало и преобладание холодной пищи. Даже когда вся семья была в сборе, ели все же порознь: сначала старик — глава дома, потом мужская молодежь, затем женщины, в первую очередь хозяйка, и, наконец, дети. Это сохранилось в значительной степени и теперь. В связи с этим чаще всего употребляется при еде столик старого типа или заменяющая его табуретка. За обычным «европейским» столом едят только при гостях или только иногда члены семьи — взрослые, молодые мужчины и т. п.

Во время моей поездки в Кабарду в 1947 г. я посетила одну кабар-

⁷ Теперь швейные машины имеются почти в каждом доме.

динскую семью. Она жила в прекрасном доме, обставленном современной хорошей мебелью. Дочь хозяйки — молодая женщина — прекрасно говорила по-русски, одевалась по-городски; вся мебель, в том числе и стол, использовалась как в русском доме. Но мать хозяйки ни за что не хотела есть на столе. Во время оккупации немцы сожгли анэ — круглые столики. Но круглые горские столики теперь не выделяются. Дочь, желая сделать матери приятное, попросила соседа вырезать такой столик — «самый маленький, для одного». Когда этот неуклюжий, грубой работы, но привычный столик был дан старушке, она заявила, что «теперь она вполне убедилась, что война прошла и возобновилась старая хорошая жизнь».

Из мебели городского типа, кроме обычных столов, табуреток (часто в роли анэ) и стульев, встречаются комоды, шифоньерки и шкафы для посуды, но очень редко. Одежда хранится в чемоданах, вешается на стены на вбитые гвозди или настенные вешалки.

Немногочисленные, еще сохранившиеся предметы старого быта, как правило, скапливаются в кухне. Объясняется это наличием в кухне очага, который требует предметов старого обихода и способствует приспособлению к нему новой формы утвари. Так, мне приходилось видеть взамен старых котлов чугуны, предназначенные для русской печи, но приспособленные для очага: в краях чугуна были просверлены дырочки и продета железная дужка для подвешивания. Унэ шхуэ как помещение для стариков является, хотя и не всегда, хранилищем предметов более привычного для них старого быта.

Убранство стен жилища претерпело сильные изменения. В прошлом на стенах вешались цыновки или шкуры, употребляемые как намазлыки, а в некоторых случаях как настенные ковры. В более богатых домах встречались и ковры. Украшением жилищ являлось развешенное по стенам оружие, музыкальные инструменты, коран в особых сумочках. Как украшение воспринималась и нарядная одежда, развешенная по стенам, а также различные предметы, сложенные на упомянутых выше полках. Позднее, с проникновением в быт предметов городского обихода, с изменением жилища, появились новые потребности, что сказалось на создании новых предметов или приспособлении старых. Так, для конца XIX и начала XX в. характерно употребление различного типа самодельных приспособлений (не вполне вышедших из употребления и сейчас) для хранения мелких предметов. Это разнообразной формы подчасники, настенные футляры для гребней, для писем и документов, вешалки для полотенец и т. п. Все это изготовлялось женскими руками. Футляры вырезались из картона, обтягивались материей, украшались вышивкой, превращаясь нередко в подлинные предметы искусства. Однако нередко и очень грубые экземпляры, в которых отразился городской, точнее мещанский вкус, появились новые материалы (цветные нитки и шерсть вместо золотых, бисер и блески) и новые, часто безвкусные орнаменты.

Наличие больших окон в новых домах потребовало занавесок, которые чаще всего делаются из марли, тюля или белой ткани. Вообще ткани стали играть большую роль в украшении жилища. У кабардинцев в настоящее время ковры, ткани, клеенка, иногда полосы обоев употребляются главным образом с декоративными целями. Их вешают над кроватями и по стенам, декорируют ими зеркала.

В качестве декоративного элемента используются цыновки местной работы из болотной травы. Прекрасный теплый оттенок материала, несложный, но красивый геометрический орнамент, — все это делает многие из цыновок произведениями искусства. Поддержка этого старинного промысла весьма желательна.

Совершенно новым моментом в украшении жилища являются портреты вождей. Их вставляют в деревянные рамы, иногда декорируют

полотенцем (как и настенные зеркала) или куском ткани. В огромном количестве развешиваются фотографии близких и знакомых. Иногда в кабардинских жилищах можно встретить и фотографии групповые — колхозников, бригады, звена. Попрежнему широко используется для украшения жилища оружие.

В прошлом в богатых домах, кроме посуды, постоянно употреблявшейся в быту, существовал запас «парадной» посуды (медные кувшины и тазы, во многих случаях имевшие прекрасную форму и отделку), которая обычно расставлялась на верхней полке задней стены и служила

Рис. 9. Внутренний вид жилища колхозника, с. Заюково, 1936.

украшением, подчеркивая состоятельность хозяина. Соприкосновение с русским населением внесло в быт горца ряд новых видов посуды, из которых наиболее ценными в глазах горцев были изделия из фаянса (тарелки, чашки, бокал, и т. п.) или стекла (графины, вазы, стаканы и даже банки и бутылки). Все эти вещи стали дополнять и вытеснять старую посуду в ее роли украшения жилища, не являясь, конечно, равноценной декоративной заменой. Ныне полок на стене не делается, но старый обычай выставления посуды еще встречается. Нам приходилось наблюдать кабардинские дома, в которых на столах (используемых вместо полок) расставлялась в декоративных целях различная посуда.

Новшеством является наличие в доме патефонов, велосипедов, радио, электричества и т. п. и, наконец, книг (хотя бы учебников).

Каковы выводы из наших наблюдений?

Раньше жилище кабардинца не отражало степени благосостояния хозяев. Простота постройки и обстановки в XIX в. была свойственна жилищам даже многих кабардинских князей, владельцев крупных табунов и отар. В нашем распоряжении имеется документ, относящийся к 1858 г. и хранящийся в Кабардинском областном архиве (фонд 24, дело 4); это описание имущества, оставшегося после владельца аула, поручика царской службы Хажы Напцева. Она характерна для выяснения

довольно скудного тогдашнего домашнего убранства даже богатых кабардинцев: в описи нет упоминания о кроватях, диванах, шкафах и пр., хотя пересчитаны даже деревянные ложки. Очевидно, для сна служили нары, подобные описанным выше. Наличие в описи 16 тюфяков и 8 подушек может указывать не только на размер семьи, но и на обычай иметь запасные постели для гостей. В описи упоминаются 10 столиков — это уже описанные нами выше круглые столики-подносы. В некоторых домах в прошлом число таких столиков доходило до 20—30. В описи упоминаются 5 ковров и 6 сундуков, 2 самовара, чайник и погребец с серебряным прибором. Наличие этих вещей объясняется тем, что Напцев был поручиком царской армии, служил в войсках длительное время. Однако, как мы видим, основа быта не изменилась.

Главное богатство заключалось в крепостных и рабах, скоте, оружии и конском уборе, в запасах продовольствия. Только XX век внес дифференциацию в быт, и княжеские и кулацкие дома, построенные в начале века, по внешнему виду и внутреннему убранству начинают соответствовать зажиточности их владельцев. Однако богатство далеко не всегда сочеталось с культурой; последняя часто носила показательный характер. Так, простыни существовали больше для вида, а спали на голлом войлоке.

В 1930 г. в Кабарде при раскулачивании одного из крупных скотовладельцев у него в сундуках нашли 202 метра мануфактуры, но в трех комнатах его дома был только один стол, два стула и две деревянные кровати. Любой рядовой колхозник теперь богаче обставляет свое жилище. Никто не скрывает своей зажиточности; все гордятся каждой мелочью, приобретенной для дома, ибо все это куплено на трудовые деньги. Это стремление показать все свои богатства иногда приводит к курьезам вроде выставки новых, ненадежных галош и бот вперемежку с посудой в парадной комнате одного из домов сел. Нартан (1939 г.).

Большое внимание уделяется чистоте и порядку в доме. Каждая вещь имеет строго предназначенное ей место, но теперь оно определяется не обязательным для всех обычаем старины, а личным вкусом хозяев. Чистота в домах замечательная, а ведь этнограф всегда является гостем неожиданным, застающим хозяев врасплох и дом в его обычном состоянии. Земляные полы (которые до сих пор преобладают) тщательно выметаются и поливаются. Книги имеются в каждом доме, разница только в их числе. Например, в доме учителя — 200 книг, а у его брата, малограмотного колхозника — 20.

Так, вся обстановка жилища вплоть до мелочей демонстрирует новую зажиточную и культурную жизнь в кабардинских колхозах, небывалую высоту, на которую поднят каждый советский человек в сталинскую эпоху.
